

ТАТЬЯНА ВЕЛИКАНОВА

Великанова Татьяна Анатольевна родилась в Москве. В 1955 году окончила МГУ им. М.В. Ломоносова. Работала в школе: сначала в г. Абакан Краснодарского края, а затем в Москве. С 1961 года препадает в МГУ, затем в МГИМО. Подготовила и опубликовала ряд статей и учебных пособий по методике преподавания русского языка как иностранного. Публиковалась с 2005

года: в журналах «Юность», «Православный паломник» и газете «Вечерняя Москва». Опубликовала порядка 30 работ: рассказы, очерки, воспоминания. В 2010 году вальманахе «Время и судьбы» опубликованы её рассказы «В Курскую область за говором» и «Озёрные края».

ПО ВОЛГЕ ДО НИЖНЕГО И ОБРАТНО

Как провожают пароходы?

Совсем не так, как поезда.

(Песня на слова К. Ваншенкина)

Очень точно сказано в популярной песне: пароходы провожают совсем не так, как поезда. На вокзале вы теснитесь в узком пространстве перрона между двумя составами, где едут тележки, спешат пассажиры с разной кладью, провожающие и отъезжающие пытаются объясниться жестами через мутное окно. И вот поезд совсем буднично тронулся, ускоряя бег.

А на речном вокзале провожающие свободно стоят на широком причале, позади них машут ветвями деревья парка, и слышно, как вода плещется о причал. А вы стоите на открытой палубе, улыбаясь близким, и уже чувствуете себя немножко в другом измерении. Но вот громко звучит команда капитана: «Отдать швартовы!» Убирают трап, и корабль под бодрые звуки старого армейского марша отправляется в рейс. Все машут друг другу и еще

что-то кричат напоследок, но причал уженоотвратимо уплывает назад со всеми близкими, и деревьями, и башенками вокзала, и другими теплоходами.

Вот и Москва кончилась, началось Подмосковье. Несколько лет назад мы отправлялись в плавание поздним осенним вечером. Берега были темны, назад плыли черные силуэты деревьев, и только полная луна шла за нами, то исчезая, то снова появляясь в разрывах облаков. А сейчас было утро, стоял май, и берега уже были одеты нежной зеленью. Как не полюбоваться берегами, стоя на палубе! Но... О, москвичи! Позор на ваши головы! Нежно-зеленые берега напоминали свалки: пакеты, бутылки, коробки... Чего только не считает лишним для себя цивилизованный человек! Чем дальше от Москвы, тем меньше «следов цивилизации». Изредка к берегу подступают современные здания пансионатов, рядом с ними обычно располагаются коттеджные поселки. Там берега почище: то ли их убирают, то ли непускают «диких» отдыхающих.

Но вот и ближайшее Подмосковье кончилось, и нас окружает первозданная красота природы.

Начались шлюзы. С детства у меня осталось впечатление о шлюзовании как о мистическом процессе: корабль медленно погружается на дно мрачного колодца, и вот уже ни неба, ни солнца, напротив окна — темная влажная стена. И вот, когда кажется, что вы здесь уже замурованы, погружение прекращается, створы шлюза открываются и корабль выплывает на простор. Да здравствуют и свет, и солнце, и зеленые берега.

Да, кстати, о берегах. Когда плывешь по Волге, убеждаешься, что Россия — страна берез. Березовые рощи подступают к самым берегам. Негустая еще майская зелень пронизана белыми ленточками березовых стволов, кое-где над ними темнеют пики елей, на крутых песчаных откосах иногда золотятся стволы сосен. Но в основном все березы, березы...

А какие звуки издает корабль? Это вам не механическое вагонное тук-тук, тук-тук. Частые удары двигателя в сочетании с ворчанием рассекаемой и соединяющейся за

кормой воды создает впечатление разговора почти одуванченного существа. Двигается такой белоснежный красавец по реке и часто так пофыркивает: «Чуф-чуф-чуф-чуф-чуф». А навстречу ему еще более красивый трехпалубный: «Паф-паф-паф-паф-паф». Обменялись приветственными гудками и разошлись.

В каютах на теплоходе обычно чувствуется гул и вибрация огромной машины, спрятанной в чреве корабля. К этому быстро привыкаешь, как к естественному фону. В прошлое свое плавание однажды утром я проснулась именно от непривычной тишины и молчания машины. Выглянув в окно, я увидела, что мы стоим в непроницаемом белом тумане, как в молоке. А наш корабль дает короткие жалобные гудки: «Я здесь стою. Не наткнитесь на меня». Осенний туман долго не рассеивался. В результате мы опаздывали на несколько часов. Стоянки по возможности сокращались. И когда мы подошли к Плесу, конечной остановке нашего маршрута, капитан и вахтенный приняли решение: «Трап ставить не будем, перекинем их так». Я только успела заметить висящее под фонарем предупреждение: «Глубина у причала 5 метров», как сильные матросские руки подхватили меня и я оказалась на берегу. Капитан прокричал нам пожелание приятного отдыха (Возможно ли это на поезде?!), и наш гостеприимный корабль покинул Плес.

Теперь же стоял май, было ясно, хотя ветрено. Мы шли быстро и на следующий день были в Угличе - первой нашей остановке. Уже с реки были видны храмы Углича. Особенно хороша была стоящая на высоком берегу красно-белая церковь с голубыми куполами – церковь Дмитрия на крови.

Почти одновременно с нами причалил другой большой круизный теплоход. Масса туристов высыпала на причал. А на высоком берегу приехавших встречали хлебом-солью девушки в национальных костюмах, заливавшая гармонь, пели песни. Словом, целое представление.

От пристани к центру города вела аллея с красивыми чугунными фонарями и изящными скамейками около них.

А по обе стороны аллеи раскинули свои шатры продавцы всевозможных сувениров и местных изделий, вполне современный рынок. А на площади красовались хорошо сохранившиеся стариные торговые ряды, а за ними опять храм и опять с голубыми куполами.

Церковь Дмитрия на крови, которая издали поразила нас своей красотой, изнутри оказалась не менее интересной, прежде всего древней росписью, рассказывающей об этапах сотворения нашего мира. Там же хранится еще одна интересная реликвия. Взбунтовавшиеся против центральной власти жители Углича были отправлены в Сибирь и в качестве наказания должны были тащить на себе свой набатный колокол с вырванным языком до Тобольска. Ныне возвращенный, он является молчаливым свидетелем тех событий.

Редкая страница нашей прошлой истории обходилась без описания бунта, бессмысленного и беспощадного, как сказал поэт. И наказание следовало за ним адекватное. Но прошедшие века сделали нас почти законопослушными.

Недалеко от церкви стоят резные, из красного кирпича, с балкончиками и башенками палаты царевича Дмитрия и его матери. А еще чуть дальше, тоже на высоком берегу – Спасо-Преображенский собор. Его высота 17 метров, но изнутри он смотрится очень высоким и объемным благодаря особо искусно выстроенным сводам, расположению оконных проемов, лепнины и фресок. В необыкновенной акустике храма мы могли убедиться, когда специально для нас четыре монаха исполнили прекрасные православные песнопения.

В Угличе немало всевозможных музеев. Мимо одного я не могла пройти, не сфотографировав его вывеску – «Музей тюремного искусства» с экспозицией «Запретная зона». При возвращении на корабль было чувство, что мы были в театре на хорошо сыгранной пьесе. А вот и закулисье. Когда я присела на скамейку передохнуть, ко мне подошла старая беззубая женщина со слезящимися глазами и протянула букетик цветов: «Купите, хоть за сколько-нибудь купите!» Она не была похожа на спившуюся

бомжиху, каких иногда можно увидеть в Москве. Просто – старая и беспомощная. Пожаловалась на глаза, что болят, плохо видят, и лечение не помогает. И еще об обратной стороне красивой панорамы. Наше поколение помнит известные угличские часы. Это был большой завод для такого маленького города, как тогда говорили, градообразующее предприятие. Теперь его производство резко сократилось, а количество работающих уменьшилось более чем в десять раз. Многие маются, ища постоянную работу, иные покидают родной город в поисках заработка и лучшей доли. Беда эта, к сожалению, не только Углича, но и многих городков России, в том числе и поволжских.

Отплывая от Углича, мы еще раз полюбовались панорамой города с его великолепными храмами. Ведь жiving в таком уникальном мегаполисе, как Москва, мы почти не видим наших церквей и соборов, среди которых есть древнейшие и интереснейшие, а также удивительно красивые. Разве что только встанем посреди Соборной площади в Кремле. А другие затенены, спрятаны за стенами многоэтажных жилых, офисных и других построек, как случилось, например, с церковью Троицы в Никитниках. Необычайно красавая с интересной историей церковь XVII века спрятана в недрах деловых зданий бывшего ЦК КПСС недалеко от Варварки.

А здесь на Волге каждый город предстает в украшении своих церковных строений. Да что там город! Иногда даже и жилых строений за зеленью деревьев не видно, даже церковь не разглядишь. Зато возвышается видная издали красавица-колокольня. Еще лет двадцать тому назад многие из них стояли без креста, со следами разрушения. Теперь же почти все возрожденные, некоторые еще в лесах.

Пришлось как-то ехать по Англии. Там иногда на горизонте среди кудрявых деревьев появляется величественный замок, напоминая о рыцарях, лордах и привидениях. А в Грузии среди гор вдруг на скалах замечаешь неприступную крепость: не там ли жила царица Тамара?! Но когда едешь или плывешь по русской земле, то тут, то

там видишь церкви. У Константина Симонова в стихотворении «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» есть строчки: «Деревни, деревни, деревни с погостами, как будто на них вся Россия сошлась».

Так писал известный советский поэт. Но мы-то знаем, что на Руси не закладывался погост без церкви и не строилась церковь без погоста. Церковь и есть примета России. До боли знакомый пейзаж – березовая роща и возвышающаяся над ней белая колокольня.

На следующий день после Углича был Ярославль. В Ярославль я просто влюбилась. Город, основанный в XI веке, в наше время стал крупным современным промышленным центром, сумев при этом сберечь красоту, созданную прошлыми веками. В Ярославле красивы дома, улицы, площади, бульвары на высоком берегу. Можно бесконечно любоваться из беседки на заволжские дали, на живописную стрелку, которую образует сливающаяся с Волгой Которосль. В городе много молодежи (мы то и дело встречали свадебные процессы), много учебных заведений, в том числе университет. Как нам сказал шофер, возвивший нас по Ярославлю, из Ярославля не уезжают, а стремятся сюда жить и работать.

Нам понравился памятник актеру Волкову, основавшему в 1750 году первый русский театр в Ярославле. Есть памятник Некрасову: его родовое имение «Карабиха», где он получил первые суровые уроки жизни, находилось недалеко от Ярославля.

Но здесь много и других памятников, куда более ценных, чем современные скульптурные. Это древние часовни, церкви, соборы, монастыри. Необыкновенно хороши сложенные из красных кирпичиков церкви XVII века Михаила Архангела и Благовещения. Совсем другая, но тоже их ровесница, церковь Петра и Павла. Да перечислить всего невозможно. Это надо видеть.

Мы знаем, что медведь – символ Ярославля, символ, идущий из истории, связанный с легендой о князе Ярославе и основании города. И, конечно, обязательно присутствие настоящего медведя в ярославском кремле. Сей-

час там прописана медведица Машка. А еще один медведь, сделанный из природных материалов, стоит на большой цветочной клумбе на площади. С ним, как говорят ярославцы, всегда какие-нибудь истории случаются: то мечь у него украдут (хотя сделанный из фанеры он не представляет никакой материальной ценности), то после дня пива в городе обнаружат его валяющимся на своей клумбе.

Уже отплывая, с Волги мы видели, как горят на солнце золотые купола Спасо-Преображенского собора XVI века.

В Костроме вас сразу встречают старые знакомые: вот деревянная пристань, на которую Паратов-Михалков въезжал на лошади, а вон повыше беседка, откуда Лариса смотрела на пароходы, плывущие по Волге. Сразу понимаешь, что именно здесь снимался фильм «Жестокий роман».

Город, заложенный в 1152 году Юрием Долгоруким, был крупным торговым центром на Волге, и сейчас в Костроме сохранилось 18 старинных торговых сооружений – бесконечные, с арками и колоннами, торговые ряды. В центре города – великолепные здания дворянского собрания, которое собирались на свои важные совещания и последующие роскошные балы раз в три года. Сейчас там картинная галерея и музей, представлены интересные экспонаты дома Романовых и несколько залов живописи. В картинной галерее есть работы великих русских художников и интересных современных живописцев, мне показалось только, что картины расположены несколько хаотично, о чем я и написала галерейщикам. Но может быть у них были свои задумки и особые цели.

Ближе к набережной стоит интересный по своему происхождению памятник. На огромном мраморном пьедестале, выполненном в классическом стиле и предназначенном для монумента в честь 300-летия дома Романовых, стоит не самая удачная скульптура Ленина с указующим неизвестно куда перстом. Но видна она издалека,

в том числе и с Волги, неизбежно вливаясь (или нарушая) в прекрасную панораму города.

В окрестностях Костромы или теперь, я думаю, уже на окраине стоит знаменитый Ипатьевский монастырь, построенный татарским мурзой Чеком, перешедшим в христианство. Монастырь этот опекали Годуновы, а затем Романовы. Последний дар Романовых монастырю – большой колокол, который привез потомок Романовых принц Майкл. Здесь в Ипатьевском монастыре произошло очень важное для Руси событие. Здесь был благославлен своей матерью на царствие юный Михаил Федорович. Было это уже после восьми неудачных попыток его уговорить.

В окрестностях Костромы находились льняные фабрики купцов Третьяковых, доходы с которых воплотились в то художественное богатство, которым мы и наши потомки, надеюсь, будем пользоваться всю жизнь.

Вообще же выделка льна и производство изделий из него – это то, в чем костромским мастерам нет равных. Уже на пристани и дальше можно увидеть целые ряды этого товара. Особенно хороши вещи, связанные из льняных ниток таким способом, что напоминают шитье бисером. От льняных прилавков просто взгляд не отвести! Не было никого, кто бы не вез из Костромы что-либо, от больших палантинов до узорчатых носочков.

К середине пятого дня доплыли до Плеса. Плес основал московский князь Василий, сын Дмитрия Донского, как крепость для обороны от опустошительных набегов ордынских полчищ. Но уже очень давно город утратил свое оборонное значение. А оставшись в стороне от железной дороги, потерял и статус крупного торгового центра.

Двадцатый век сделал Плес Меккой русских пейзажистов. Центром паломничества стал белый дом с мезонином, где жил Левитан и где ныне его музей. Плесские картины Левитана, показанные им в Москве, поставили его в ряд великих русских пейзажистов. Мне в этом музее показался очень интересным зал работ художницы Кувшинниковой. Если верить литератороведам, именно она

послужила прототипом несимпатичной и бездарной героини рассказа Чехова «Попрыгунья». Но, по правде говоря, ее пейзажи очень интересны и вполне достойны находиться в музее. А на набережной есть кафе, носящее ее имя.

В Плесе находится единственный в России музей пейзажа. Там на первом этаже бесценные работы классиков, а на втором – современных пейзажистов, в том числе и местных. С одним из тех, чьи работы висят в залах музея, мне случилось познакомиться и поговорить, когда он работал на пленэре, на берегу Волги. Вообще же здесь вы обязательно увидите художника, устроившегося где-нибудь в уголке со своим этюдником и старающегося запечатлеть красоту местной природы и церквей Троицкой, Преображенской или Воскресенской. Булыжная набережная с березками и маленькие улочки, тоже вымощенные булыжником, трогательно живописны, хотя наводят грусть не такие уж редкие дома с заколоченными окнами.

Несколько прекрасных музеев на несколько тысяч жителей – это, конечно, превосходно. Но безработица среди взрослого населения в городе, ожившающем в часы прибытия круизных теплоходов, печальна, как и жизнь подростков, которым негде и нечем себя занять. Мне пришлось наблюдать такую сцену: в магазинчик на набережной вошла группа девчушек лет одиннадцати – пятнадцати. Старшая протянула деньги и решительно сказала: «Бутылку портвейна», а младшая поспешно добавила: «И жвачку». Ну ведь не будешь же каждый день ходить в музей, и далеко не всем дано сидеть часами с этюдником на пленэре... Заметила я еще, что Плес обрастает дорогими и красивыми дачами, почти дворцами. Может, это даст новый импульс его развитию.

По случаю прибытия теплоходов на площади у причала разворачиваются торговые ряды. И конечно, самый длинный ряд художников-пейзажистов. Поражают своим разноцветием прилавки ивановских и шуйских текстильных фабрик. Я заметила, что белые простыни теперь совсем не в моде, вам предложат постельное белье и поло-

тенца самых ярких и экзотических расцветок. И только в Плесе я увидела продажу вкуснейшей речной рыбы местного домашнего копчения: золотисто-коричневые сомы, щуки, жерехи, лещи. Непременно надо купить и на теплоходе не спеша (количество костей у леща превышает все пределы) с удовольствием поесть.

Ну вот, наконец, и Нижний Новгород, откуда наш теплоход пойдет в обратный рейс.

Нижний Новгород – один из красивейших старинных русских городов, живописно раскинувшийся на высоком холме у слияния Волги и Оки. Заложил город великий князь Юрий Всеволодович как город-крепость, страж восточных границ Руси. А уже с XIV века город становится крупнейшим торговско-экономическим центром, а в последующем сюда же переносится всемирно известная ярмарка. Еще какими эпитетами награждается город? Крупный промышленный, научный и культурный центр, третий по численности населения город России. Все справедливо. Город у всех на слуху. Из прессы мы постоянно узнаем о его жизни, о его лидерах, о его славных постоянных жителях и о тех, кто стал им по принуждению. Не хочется повторяться.

Хотелось бы остановиться только на двух моментах, которые показались мне удивительно приятными. В Нижнем Новгороде хорошо чувствуется трогательное отношение, я бы даже сказала, культ просвещенного и патриотичного русского купечества, таких династий, как Строгановы, Рукавишниковы, известных своим богатством и широкой благотворительностью. Они не только строили для себя роскошные дома и банки, которые и теперь являются украшением города, но и радели о своих согражданах. Горожане чувствовали их заботу во всем, начиная от обеспечения города питьевой водой до организации учебных заведений. Примером церковного строительства может служить возведенная на средства одного из Строгановых в 1719 году Рождественская церковь – выдающийся памятник русского барокко. Эта церковь почти не

имеет себе равных по богатству белокаменной резьбы и красоте разноцветных куполов.

Несколько слов хочется сказать о нижегородском кремле. После многократного разрушения монголо-татарами ордами деревянных кремлевских строений в 1508 году был заложен каменный кремль. Его построили за три года русские мастера при участии итальянского зодчего Петра Фрязина (Пьетро Франческо). Сейчас сохранивший в основном свой облик кремль - это ансамбль исторических зданий и памятников. Там же постоянная выставка боевой техники Великой Отечественной войны, выпускавшейся городом: танк Т-34, легендарная "катюша", броневики, пушки, самолет Як и даже рубка подводной лодки. Все это да еще цветущие газоны и великолепный вид на Волгу делают кремль не только культурным центром города, но и любимым местом отдыха горожан всех возрастов. Мы были в городе в воскресенье, потоки горожан шли без всяких затруднений отдыхать в кремль, и мы присоединились к ним.

После Нижнего Новгорода первым городом на нашем обратном пути к Москве стала Кинешма, город, стоящий на слиянии сразу четырех рек: Волги и трех ее небольших притоков и основанный в 1504 году. Сначала была заложена крепость, несколько позже был построен прекрасный Троицко-Успенский ансамбль: два собора с приделами и колокольня.

Жители Кинешмы показали себя патриотами и храбрыми воинами, защищая свой город в 1609 году от напавших поляков. А в 1612 году здесь находилось ополчение Минина и Пожарского. В честь погибших героев в городе была возведена часовня.

Конечно, Кинешма – это торговый купеческий город, как и все города на великом волжском пути, что сказывается на его облике. Центральная улица, протянувшаяся в непосредственной близости от соборов, застроена красивыми купеческими домами, в центре – традиционные старинные торговые ряды.

В Кинешме, как и в каждом волжском городе, с которым мне пришлось познакомиться, есть места, особенно любимые горожанами, откуда из беседки или так, стоя на высоком берегу, можно полюбоваться великой рекой и волжскими дарами и куда обязательно приглашают приезжих постоять, посмотреть на эту красоту. Несомненно, у волжан поэтическая натура, и подозреваю, что каждый второй здесь в душе поэт. Здесь часто бывал художник Кустодиев, которого восхищали персонажи и краски шумных ярмарок. Любил это место и А.Н. Островский, имение которого находилось в 20 километрах отсюда и который был здесь в течение 13-ти лет почетным мировым судьей.

Кинешма встретила нас очень приветливо: хлебом-солью, ряжеными, песнями и плясками. Девушки в национальных костюмах образовали на причале сплошную цепь и ворота, через которые в город можно было пройти, лишь бросив в глиняный расписной горшок звонкую монету. Провожали так же весело, заразив своим весельем и пассажиров. Под конец пели все: и на причале, и на палубе. Так с песнями и отчалили от Кинешмы.

Далее, в середине следующего дня мы увидели поднимающуюся прямо из воды белую колокольню. Я насчитала виднеющихся над водой пять ярусов. Это, как мы все поняли, Калязин. Крепость на слиянии Волги и двух ее притоков заложил еще Юрий Долгорукий в двенадцатом веке в помощь Москве и Твери. С XVII века это уже город. К этому времени относится и строительство Никольской церкви, колокольню которой мы и видим над водой. После строительства плотин и шлюзов, подъема уровня воды, участки улиц, находящихся в низине, оказались под водой. И сейчас улицы города, идущие перпендикулярно берегу, резко обрываются у воды, а часть города стала островом. Рассказывают, что много было трагичного перед этим предстоящим затоплением, когда жители должны были расстаться с родным домом, с родным погостом. Но, пожалуй, лучше, чем Валентин Распутин в своей повести «Прощание с Матерой», никто об этом не рассказал.

К колокольне можно подъехать на катерке, встать около нее, приложить ладонь к ее древним кирпичам, и если среди них вы почувствуете теплый, ждите скорого счастья – такая примета.

Глядя на это диво дивное – колокольню посреди реки – не знаешь, то ли гордиться золотыми руками русских мастеров, то ли огорчаться из-за нашей безалаберности и непредусмотрительности.

На восьмой день пути в среду утром была Тверь. Письменная история города начинается в середине двенадцатого века, а уже в 1247 году при князе Михаиле – это центр Тверского великого княжества. Это были тяжелые для Руси времена. Смелый и независимый князь Михаил старался защитить свой народ от бесконечных поборов татаро-монгольской орды. В орде же он и был зверски убит в результате наветов и интриг. Позже князь Михаил был причислен к лику святых, и его нетленные мощи хранились в одном из соборов, откуда они в прошлом веке исчезли. Но православные Твери надеются на их чудесное обретение, как уже случалось с мощами русских святых. На высоком берегу сейчас красуется белоснежный храм, воздвигнутый в память Михаила Тверского. А чуть далее – красивая аллея и обелиск в честь современных защитников русской земли.

Русское купечество и в Твери оставило заметный след. Конечно, самый знаменитый из них – Афанасий Никитин, тверской купец, который в семидесятых годах пятнадцатого века совершил удивительное по тем временам путешествие в Персию, Индию, к берегам Африки, в Турцию, опередив Васко да Гама, впервые проложившего морской путь из Европы в Южную Азию. Русский купец оставил путевые записки «Хождение за три моря» – ценный литературно-исторический памятник. В Твери его именем названа набережная и стоит ему памятник. Нам рассказали, что связи Твери с Индией и сейчас живы: существует культурный обмен, обмен студентами. А имя Афанасия Никитина в Индии вовсе не пустой звук.

Вообще же в Твери оставил свой след немало известных людей. Мы увидели здесь памятник баснописцу Крылову, который когда-то начинал здесь службу подканцеляристом. А вот Салтыков-Щедрин какое-то время служил здесь вице-губернатором. Немало здесь и интересных памятников архитектуры: к примеру, путевой дворец Екатерины Великой, построенный местным архитектором, но при участии Казакова.

О современной жизни Твери мало что удалось узнать из непродолжительной экскурсии по городу, но в целом город, его современный облик, жители – все понравилось.

На следующий день была долгая «зеленая» стоянка и отдых в «Сосновом бору», поначалу казалось, совсем не нужные и непредусмотренные. Но эти часы в тишине, в отсутствии ярких впечатлений помогли собраться с мыслями, связать в единую цепь все увиденное, подвести итоги до радостной и шумной встречи с близкими на причале.

ОДИН ДЕНЬ ДЕТСТВА

Рассказ

В доме было натоплено и еще светло. Тата встала на коленки на табуретку – так был виден весь большой стол, где располагались ее бумажные куклы. Очень хотелось есть, но мамы все не было.

Ее полное имя было Татьяна, Татой она называла себя сама, начав говорить, так и закрепилось за ней это домашнее имя, так же звали ее и во дворе и ее единственный друг и однолетка Алик. Другие ребята все были на несколько лет старше и с малышами не водились. А мягкий и ласковый Алик участвовал во всех ее забавах и играх, играл с ней и в куклы и в дочки-матери.

Дома в Москве у нее были настоящие прекрасные игрушки, даже одна заводная, которую откуда-то привез папин друг. Розовый поросенок, стоящий на задних лапах и облаченный во фрак и цилиндр, если его заводили, плавно двигался по столу и водил смычком по скрипке, которую держал в руке. Этого поросенка Тата не нашла среди своих вещей, когда они вернулись из эвакуации. В